

УДК 008**Феномен тюремных кличек США как социолингвистическое явление закрытых сообществ****Смирнов Олег Аркадьевич**

Кандидат физико-математических наук, доцент,
кафедра прикладной математики и программирования,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 52/45;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
профессор кафедры частного права,
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен тюремных кличек как сложного социолингвистического явления, формирующегося в условиях закрытых сообществ. На примере уникального исследования, проведённого заключённым Брэдом Платтом в тюрьме штата Аризона, раскрываются механизмы присвоения прозвищ, их функции и роль в тюремной иерархии. Анализируется двойственная природа кличек: с одной стороны, они служат инструментом групповой идентичности, упрощения коммуникации и скрытого сопротивления системе, с другой — становятся орудием стигматизации и социального контроля. Через кейсы вроде «Большой Птицы», «Жуткого» или «Сибисквита» показано, как прозвища трансформируют личные особенности, прошлое и поведение в элементы коллективного фольклора, балансируя между унижением и принятием. Исследование подчёркивает, что тюремные клички отражают универсальные социальные процессы, но в условиях изоляции обретают особую остроту, становясь языком власти, юмора и выживания.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнов О.А., Новиков А.В. Феномен тюремных кличек США как социолингвистическое явление закрытых сообществ // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 3А. С. 284-292.

Ключевые слова

Тюремные клички, криминальная антропонимика, социальная идентичность, стигматизация, тюремный фольклор, групповые нормы, языковые практики, адаптация в изоляции, социальная иерархия, закрытые сообщества.

Введение

Феномен тюремных кличек в США представляет собой интересное социолингвистическое явление, характерное для закрытых сообществ. Это исследование направлено на понимание того, как тюремные клички функционируют в рамках тюремного сообщества, отражая его социальные, культурные и психологические аспекты. Актуальность этого исследования обусловлена тем, что клички не только служат средством идентификации, но и играют важную роль в поддержании социальной иерархии среди заключенных. Целью исследования является выявление и классификация тюремных кличек, а также определение их функций и значения в социолингвистическом контексте. Чтобы достичь этой цели, будут решены такие задачи, как анализ лексического состава кличек, определение их социолингвистических функций, изучение влияния культурных и этнических факторов на их формирование и использование, а также исследование связи между тюремными кличками и социальной иерархией. В качестве методов исследования предполагается использовать лингвистический анализ, интервьюирование бывших заключенных и сотрудников тюрем, а также анализ документальных источников и литературы. Исследование основывается на гипотезах о том, что тюремные клички выполняют функцию идентификации и поддержания социальной иерархии, могут отражать культурные и этнические особенности заключенных, а также способствуют формированию групповой идентичности и солидарности. В основной части работы будет проведен обзор литературы по социолингвистике закрытых сообществ и культурным аспектам тюремной жизни, а также анализ данных, включающий классификацию кличек и определение их частотности. В заключении будут подведены итоги исследования и предложены рекомендации для дальнейших исследований в области социолингвистики тюремных сообществ.

Например, имена Роберта Строуда или Джорджа Келли мало что говорят большинству, но их прозвища — «Птицелов из Алькатраса» или «Пулемётный Келли» — вызывают ассоциации с криминальной историей. Этот феномен демонстрирует, как яркие псевдонимы затмевают реальные имена преступников, становясь частью массовой культуры. Онлайн-генераторы, предлагающие «гангстерские» прозвища, не способны воспроизвести подлинную специфику тюремной антропонимики. В закрытых сообществах клички возникают не случайно, а отражают сложные социальные процессы, как показывает пример Брэда Платта, отбывающего срок в аризонской тюрьме.

При росте 201 см и весе 136 кг Брэд получил множество кличек — от «Сасквоча» до «Могучего Дуба», но прочнее всего закрепилось «Большая Птица». Это отсылка не только к габаритам, но и к наивности, с которой он попал за решётку. По его наблюдениям, тюремный двор функционирует как микрокосм общества с уникальной иерархией и культурой. Здесь, как в школе или большой семье, прозвища рождаются через «социальные переговоры» — сложное переплетение отношений, где кличка может стать как знаком принадлежности к группе, так и клеймом. Исследователи криминальной субкультуры подчёркивают: в этой среде псевдонимы несут гораздо больше смысла, чем в обычной жизни, выполняя одновременно психологические, социальные и лингвистические функции.

Основное содержание

Будучи соавтором исследования, Б. Платт провёл уникальную работу: его статус заключённого позволил собрать данные, недоступные внешним учёным. Через личные наблюдения и неформальные беседы с сокамерниками он выделил три ключевые функции кличек: укрепление групповой идентичности, подчёркивание индивидуальности и упрощение коммуникации. Этот опыт не только обогатил академическое знание, но и стал примером нестандартного сотрудничества между наукой и теми, кто существует за её привычными границами.

Исследование тюремных кличек раскрывает сложную социальную динамику, где даже уничижительные ярлыки могут трансформироваться в символы принадлежности. Брэд Платт, столкнувшийся с обидными прозвищами в школе и на свободе, с удивлением отмечает, что именно в заключении получил нейтральное, почти дружеское прозвище «Большая Птица». Этот парадокс отражает ключевой принцип тюремной антропоники: здесь клички не просто высмеивают, но и сплачивают, создавая основу для терпимости внутри закрытого сообщества.

Ярким примером стал случай с новичком, чьё необычное чихание напоминало ржание лошади. Когда сокамерник окликнул его «Сибисквит», это мгновенно прижилось. Как поясняет Брэд, в тюрьме нельзя выбрать имя самому — его диктует группа, превращая личные особенности в элемент коллективного фольклора. Так случайная деталь поведения становится социальной меткой, которая, вопреки ожиданиям, может нести не насмешку, а своеобразное принятие.

Процесс присвоения кличек остаётся двойственным: с одной стороны, они укрепляют иерархию, с другой — служат языком коммуникации. По наблюдениям Брэда, около трети заключённых получают прозвища, часто от ближайшего окружения. Для многих это становится ритуалом инициации — знаком, что их «заметили» и вписали в тюремный микрокосм. Со временем кличка начинает определять социальную роль человека, формируя у окружающих представление о его характере: дружелюбии, чувстве юмора или решительности.

Сами прозвища могут менять функцию в зависимости от контекста. Близкие друзья спустя годы обращаются к нему по имени, подчёркивая личную связь, тогда как остальные по-прежнему используют «Большую Птицу» — ярлык, ставший частью его тюремной идентичности. Ранее он сам намеренно дистанцировался от других заключённых с именем Брэд через кличку, но после их перевода разрешил обращаться к себе лично. Этот пример показывает, как прозвища балансируют между групповой унификацией и индивидуальностью, оставаясь гибким инструментом социальной навигации в жёстких условиях изоляции.

Таким образом, тюремные клички отражают тонкое переплетение власти, юмора и выживания, где даже нелепое прозвище способно стать мостиком между одиночеством и принадлежностью к «семье» за решёткой.

Для многих заключённых их настоящее имя становится табу — символом жизни «на воле», которую они стремятся отделить от тюремной реальности. Некоторые воспринимают его как конфиденциальную информацию, что отражает двойственную природу кличек: они стирают прежнюю идентичность, создавая новую, вписанную в законы тюремного микрокосма. Даже вне стен изоляторов криминальные прозвища нередко вытесняют реальные имена, фигурируя в полицейских отчётах, словно подтверждая: за решёткой человек существует уже под другим «кодом».

Однако тюремные прозвища — это не только инструмент адаптации, но и оружие. По мнению одного из исследователей, «кличка — самый тяжёлый камень, который дьявол может бросить в человека». История заключённого по прозвищу «Жуткий» иллюстрирует, как ярлык превращается в пожизненное клеймо. Его психическое расстройство и нестандартное поведение сделали его мишенью для насмешек, а неспособность дать отпор лишь укрепила статус изгоя. Подобные клички прорастают даже после перевода в другой блок или временного освобождения. Например, прозвище «Неспособный» к правильным действиям преследовало своего носителя годами, пережив тюремные стены и вновь настигнув его после рецидива.

Присвоение кличек часто становится актом доминирования. Исследуем случай с новичком, которому была дана кличка «Пальцы» за мелкую кражу журнала. Изначально шуточный ярлык быстро превратился в символ общественного презрения, лишив его шанса на перезагрузку репутации. Такие прозвища действуют как «психодинамические агенты агрессии», подрывая самооценку — ключевую для выживания в жёсткой иерархии. Парадоксально, но чем яростнее жертва отвергает кличку, тем прочнее она прилипает. Лишь немногим, удастся заменить «ярлык», изменив окружение.

Несмотря на коллективную природу происхождения, тюремные клички редко бывают случайными. Они словно гиперболизируют черты, превращая их в социальную маску. Взрывной латиноамериканец, известный как «Дьябло», или наивный Брэд «Птица» — их прозвища становятся пророчествами, диктующими роли. Этот механизм универсален: категории кличек, выделенные в аризонской тюрьме, почти зеркально повторяют модели, найденные в закрытых религиозных общинах или изолированных культурах. Разница лишь в контексте: за решёткой клички отражают борьбу за место в иерархии, где каждое слово может стать как щитом, так и ножом.

Согласно мнению большинства исследователей этого культурологического феномена тюремные прозвища — это язык, на котором говорит власть, юмор и отчаяние. Они балансируют на грани унижения и принятия, стирая границы между личностью и мифом, созданным группой. Как показывает пример Брэда, даже обидный ярлык может стать частью идентичности, если носитель найдёт в нём силу. Но для таких, как «Жуткий» или «Неспособный», кличка остаётся капканом, из которого нет выхода — лишь бесконечный цикл отчуждения. В этом противоречии и кроется суть тюремной антропоники: она одновременно объединяет и разъединяет, давая псевдоним, но отнимая право на самоопределение.

Физические особенности часто становятся основой для тюремных кличек, Брэд, получивший прозвище «Большая Птица» из-за роста и наивности, — лишь один из многих примеров. Рыжеволосого латиноамериканца зовут «Рохо», подчёркивая его нетипичную для этнической группы внешность. Заключённый с ожогами третьей степени от взрыва метамфетаминовой лаборатории известен как «Факел» или «Хрустящий», а афроамериканец с зелёными глазами — «Зелёные Глаза». Заострённые уши превращают человека в «Эльфа», а гипермобильные суставы пальцев — в «Прутика». Поп-культура тоже вплетается в этот фольклор: низкорослый мужчина с волосатыми стопами становится «Фродо», а тот, чьи черты напоминают «Голлума» из «Властелина Колец», оказывается в этой роли.

Но тюремные клички редко ограничиваются внешностью. Личностные черты и привычки часто кристаллизуются в прозвища, которые, подобно зеркалам, отражают — или искажают — суть человека. «Бам-Бам», получивший кличку за частые драки, со временем стал спокойнее, но имя осталось, словно напоминая о прошлой ярости. «Безумный» ежедневно подтверждает свою репутацию эксцентричными поступками, а «Шутник», смеющийся даже в напряжённых

ситуациях, использует юмор как щит. Ирония здесь становится особым языком: «Счастливику», вопреки прозвищу, известен вечным недовольством, а «Преподобный Отброс», активно участвующий в религиозных службах, вне церкви демонстрирует вульгарность и проявляет стремление к возврату к криминальной деятельности.

Увлечения тоже формируют идентичность за решёткой. Ковбой с характерной походкой и любовью к кантри-музыке, или NASCAR, одержимый автогонками, — их клички создают альтернативные «биографии», смягчая жёсткость тюремной реальности. Но даже эти, казалось бы, нейтральные прозвища несут оценочный подтекст. Они могут возвышать, как в случае с «Танком» — массивным заключённым, чья физическая сила вызывает уважение, или унижать, как «51–50» — татуированный код, напоминающий о психическом расстройстве.

В этом микрокосме, где каждое слово взвешивается на весах власти, прозвища становятся многослойными символами. Они фиксируют не только то, что видно глазу, но и то, что скрыто за поступками, жестами, даже молчанием. Как и в случае с Брэдом, чьё прозвище изначально казалось насмешкой, но стало частью его тюремного «я», они балансируют между правдой и мифом. Одни, как Эльф, годами пытаются стереть навязанный ярлык, другие, как Ковбой, намеренно культивируют образ, зная: в мире, где личность сводится к кличке, это единственный способ сохранить контроль над собственной историей.

Прозвища в тюрьме часто становятся картой прожитой жизни, где каждая метка — след из прошлого или отпечаток настоящего. География, профессия, случайные события — всё превращается в ярлык, который, как тень, следует за заключённым. Рыжеволосый латиноамериканец, рождённый на Аляске, становится Эскимосом, а мужчина с южным акцентом — Кентукки. Эти клички, словно штампы в паспорте, напоминают о местах, которые они больше не могут назвать домом. Даже администрация порой пытается расшифровать их, но, как отмечает Брэд, «мы распознаём их уловки» — за географиями скрываются не координаты, а ироничные намёки на утраченную свободу.

Профессиональное прошлое тоже оставляет следы. Бывший владелец лимузинов, подслушивавший клиентов, остался «Лимо», а уличный проповедник, — «Проповедником». Некоторые клички, как «Джокер», перекочёвывают из театральных подмошков в тюремный двор, превращая жизнь в нескончаемый спектакль. Но чаще они возникают из случайностей, которые обрастают легендами. Например, «Призраку», получивший имя за детскую привычку растворяться в толпе, теперь носит его как напоминание о том, как трудно стать невидимкой в мире.

Так, за каждым псевдонимом стоит не просто случай, а целая биография — смесь боли, иронии и попытки сохранить лицо в мире, где имя заменяют на код. Одни клички, как «Мохаве» или «Теннесси», уводят вдаль, другие, как «Камень» или «Призраку», закрепляют миг слабости или силы. Но все они, как нити, сплетаются в узор тюремной идентичности, где прошлое и настоящее сливаются в одно слово, которое приходится носить как униформу.

В тюремной среде прозвища становятся не просто ярлыками, а инструментом выживания, сплетающим конспирацию, юмор и социальную иерархию в единый код. Заключённые, как отмечает Брэд, мало доверяют администрации, и потому используют клички для скрытого обмена информацией. Например, фраза «Теннесси обсуждал с Птицей, как выставить Жуткого на всеобщее осуждение» остаётся загадкой для надзирателя, вынужденного гадать, кто скрывается за этими именами среди тысяч лиц. Эта языковая игра спасает от доносительства: даже зная о подпольных магазинах, где товары из тюремного ларька перепродаются с наценкой, или о тайных ставках на спорт, администрация не может отследить участников — их идентифицируют только по прозвищам вроде «Свиная Отбивная» или «Рыбная Палочка».

Также клички превращаются в оружие слабых, позволяя заключённым балансировать в условиях дисбаланса власти. Персонал тюрьмы тоже получает прозвища, часто едкие: «Икабод» — высокий и тощий надзиратель, напоминающий героя «Легенды о Сонной Лощине», или «Доктор Смерть» — врач, чьё равнодушие стоило жизни нескольким заключённым. Даже библиотекарь, штрафующий за малейшие опоздания с книгами, становится «Книжным Нацистом». Эти прозвища, произносимые вполголоса, дают иллюзию контроля: обсуждая тюремный персонал, заключённые чувствуют, что могут бросить вызов системе.

Кроме того, анонимность, создаваемая прозвищами, становится защитным механизмом: в мире, где «стукачи живут несладко», клички оберегают не только от надзора, но и от предательства.

Таким образом, прозвища в тюрьме становятся «валютой» доверия, оружием сопротивления и зеркалом, в котором отражается хрупкий баланс между личностью и мифом. Одни клички, как «Пикачу» для низкорослой сотрудницы, рождаются из абсурдного юмора, другие, как «Камень», закрепляют моменты слабости. Но все они сплетаются в тайный язык, где каждое имя — шифр, понятный только тем, кто вынужден жить по законам этого замкнутого мира.

Прозвища в тюрьмах, как и в обществе за её пределами, давно стали частью культурного кода — они отражают не только индивидуальность, но и социальные тенденции, обнажая двойственность человеческой природы. Если в обычной жизни клички часто выражают дружелюбие или иронию, то за решёткой они превращаются в многогранный инструмент: могут спланивать, создавая иллюзию товарищества, или становиться оружием. Эта амбивалентность напоминает зеркало, в котором пересекаются личные истории и коллективный опыт, сформированный жёсткими реалиями изоляции.

Тюремные прозвища — это не просто слова, а сгустки социальной динамики. Они служат маркерами, которые одновременно защищают от обезличивания системы и наносят удары по самооценке. В условиях, где стресс и давление становятся нормой, язык адаптируется, обретая новые формы: одни клички, помогают сохранить лицо, другие предотвращают появление социальных связей. История заключённого, окрещённого «Неспособным к правильным действиям» или «Жутким», показывает, как ярлык может перерасти в пожизненное клеймо, преследующее даже после освобождения.

Но за этой жестокостью скрывается устойчивость человеческого духа. Прозвища становятся способом сопротивления — например, когда заключённые дают едкие прозвища надзирателям, балансируя на грани бунта. Они превращаются в тайный язык, шифрующий реальность: обсуждение «Теннесси» и «Птицы» остаётся непонятным для администрации, а подпольная торговля ведётся под кодами вроде «Свиная Отбивная». Даже в этих условиях находится место абсурдному юмору. Исследования показывают, что подобные практики универсальны — от закрытых религиозных общин до криминальных группировок. Разница лишь в контексте: в условиях тюрьмы прозвища обнажают борьбу за выживание в мире, где достоинство становится валютой. Они напоминают, что язык — это не только коммуникация, но и поле битвы, где каждое слово может стать оружием или щитом.

Тюремные клички — это метафора самой жизни в условиях закрытого сообщества. Они отражают попытку сохранить индивидуальность в системе, стремящейся её стереть, и напоминают о парадоксе: даже в психологически тяжелых условиях люди продолжают искать связь, пусть через насмешку или унижение. Эта двойственность призывает к эмпатии — пониманию, что за каждым прозвищем стоит не просто ярлык, а история борьбы за право остаться человеком в мире, где язык становится последней границей между достоинством и отчаянием.

Заключение

Тюремные клички, возникающие в условиях жёсткой социальной иерархии, представляют собой уникальный лингвистический и культурный феномен. Они выполняют множество функций: от укрепления групповой идентичности до инструмента выживания, балансируя между унижением и принятием. Эти прозвища становятся зеркалом, отражающим физические особенности, личностные черты, прошлое человека и даже случайные события, трансформируя их в социальные метки.

Клички в тюрьме демонстрируют парадоксальную двойственность. С одной стороны, они могут спланировать, создавая иллюзию принадлежности к «семье» за решёткой. С другой — превращаются в оружие, клеймящее жертву, становятся пожизненным грузом. Этот механизм универсален: подобные антропонимические практики встречаются в закрытых сообществах, но в тюрьме они обретают особую остроту из-за борьбы за власть и выживание.

Важную роль играет и язык как инструмент сопротивления. Прозвища шифруют реальность, защищая от надзора администрации, и становятся формой скрытого бунта — будь то едкие клички надзирателей или коды для подпольных сделок. Даже в абсурдных именах вроде «Пикачу» или «Рыбная Палочка» скрывается попытка сохранить человечность через юмор.

Однако за этим фольклором стоит глубокая социальная драма. Клички стирают прежнюю идентичность, создавая новую — вписанную в законы «тюремного микрокосма». Они напоминают, что в условиях дегуманизации язык становится последней границей между отчаянием и достоинством. Даже уничижительные ярлыки, как ни парадоксально, свидетельствуют о стремлении личности быть замеченной, а не раствориться в системе.

Таким образом, тюремные прозвища — это не просто словесная игра, а сложный социальный ритуал. Они раскрывают, как в экстремальных условиях человек балансирует между адаптацией и сопротивлением, между мифом и реальностью. Этот феномен призывает к эмпатии: за каждым псевдонимом скрывается история борьбы за право остаться собой в мире, где имя может стать как тюрьмой, так и ключом к выживанию.

Библиография

1. Black S., Wilcox B., Platt B. Nicknames in prison: Meaning and manipulation in inmate monikers //Names. – 2014. – Т. 62. – №. 3. – С. 127-136.
2. Devlin A. Prison patter: A dictionary of prison words and slang. – Waterside Press, 1996.
3. Dziedzic-Rawska A. 'Principle of Pithiness' in US Prison Slang //Lublin Studies in Modern Languages and Literature. – 2017. – Т. 41. – №. 2. – С.
4. Dziedzic-Rawska A. Linguistic creativity in American prison settings //Lublin Studies in Modern Languages and Literature. – 2016. – Т. 40. – №. 1. – С. 65-80.12-31.
5. Farrant F. Crime, Prisons and Viscous Culture. – New York: Palgrave Macmillan, 2016.
6. Fayzulloyevna N. M. AMERICAN PRISON JARGON //Central Asian Journal of Academic Research. – 2024. – Т. 2. – №. 11-2. – С. 65-69.
7. Hayner N. S., Ash E. The prison as a community //American Sociological Review. – 1940. – Т. 5. – №. 4. – С. 577-583.
8. Timerman J. Prisoner without a Name, Cell without a Number. – Univ of Wisconsin Press, 2002.
9. Zarzycki Ł. Socio-lingual phenomenon of the anti-language of Polish and American prison inmates //Crossroads. A Journal of English Studies. – 2015. – №. 01 (8). – С. 11-23.
10. Ellis P. The prison-house and language: Modern American prison argot //Unpublished Paper. Retrieved May. – 2005. – Т. 18. – С. 2018.

The Phenomenon of U.S. Prison Nicknames as a Sociolinguistic Feature of Closed Communities

Oleg A. Smirnov

PhD in Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor,
Department of Applied Mathematics and Programming,
Kosygin Russian State University,
115035, 52/45, Sadovnicheskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

This article examines the phenomenon of prison nicknames as a complex sociolinguistic feature emerging within closed communities. Drawing on a unique study conducted by inmate Brad Platt in an Arizona state prison, the mechanisms of nickname assignment, their functions, and their role in prison hierarchies are explored. The analysis reveals the dual nature of nicknames: while serving as tools for group identity, simplified communication, and covert resistance to the system, they simultaneously become instruments of stigmatization and social control. Case studies of nicknames such as Big Bird, Creepy, and Sibiscuit demonstrate how personal traits, backgrounds, and behaviors are transformed into elements of collective folklore, oscillating between humiliation and acceptance. The study emphasizes that prison nicknames reflect universal social processes but acquire particular intensity in isolated environments, evolving into a language of power, humor, and survival.

For citation

Smirnov O.A., Novikov A.V. (2025) Fenomen tyuremnykh klichek SShA kak sotsiolingvisticheskoye yavleniye zakrytykh soobshchestv [The Phenomenon of U.S. Prison Nicknames as a Sociolinguistic Feature of Closed Communities]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (3A), pp. 284-292.

Keywords

Prison nicknames, criminal anthroponymy, social identity, stigmatization, prison folklore, group norms, linguistic practices, adaptation in isolation, social hierarchy, closed communities.

References

1. Black S., Wilcox B., Platt B. Nicknames in prison: Meaning and manipulation in inmate monikers //Names. – 2014. – T. 62. – №. 3. – C. 127-136.
2. Devlin A. Prison patter: A dictionary of prison words and slang. – Waterside Press, 1996.
3. Dziedzic-Rawska A. 'Principle of Pithiness' in US Prison Slang //Lublin Studies in Modern Languages and Literature. – 2017. – T. 41. – №. 2. – C.
4. Dziedzic-Rawska A. Linguistic creativity in American prison settings //Lublin Studies in Modern Languages and Literature. – 2016. – T. 40. – №. 1. – C. 65-80,12-31.
5. Farrant F. Crime, Prisons and Viscous Culture. – New York: Palgrave Macmillan, 2016.
6. Fayzulloyevna N. M. AMERICAN PRISON JARGON //Central Asian Journal of Academic Research. – 2024. – T. 2. – №. 11-2. – C. 65-69.
7. Hayner N. S., Ash E. The prison as a community //American Sociological Review. – 1940. – T. 5. – №. 4. – C. 577-583.
8. Timerman J. Prisoner without a Name, Cell without a Number. – Univ of Wisconsin Press, 2002.
9. Zarzycki Ł. Socio-lingual phenomenon of the anti-language of Polish and American prison inmates //Crossroads. A Journal of English Studies. – 2015. – №. 01 (8). – C. 11-23.
10. Ellis P. The prison-house and language: Modern American prison argot //Unpublished Paper. Retrieved May. – 2005. – T. 18. – C. 2018.